

БЕЗМОЛВНЫЙ СТРАННИК

Дмитрий Илий

Дмитрий Илий

Безмолвный странник

<https://litres.ru/73962981>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фантастическое космическое приключение Тобиаса Кейна и его команды.

После того, как человечество вышло за пределы родной Солнечной системы, оно столкнулось с новым и неизведанным объектом — Когерумом. Это пространство, которое имеет тенденцию к абсолютному математическому идеалу. Любой объект попавший и замеченный Когерумом — становится Эхом.

Главные герои сталкиваются с непростой задачей — найти и изучить отпечаток отца Тобиаса в Когеруме, чтобы завершить технологию, которая может изменить мир, но не в тех руках — и уничтожить его.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Пыль на чертежах	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Илий

Безмолвный странник

Пролог

889 г. от первого резонанса (ПР)

Станция «Порт-Новум». Какой-то старый лоцман, пропахший Гинессом, очень доходчиво пытается мне что-то объяснить... Короче, вот смари. Представь, что вселенная - это компьютерная программа. Огромная, сложная, работающая триллионы лет. И в какой-то момент в ней произошёл сбой. Не поломка - скорее обновление, которое пошло не по плану. Появились время, случайность, свобода воли. И мы с тобой. Но-о Старая версия кода-то никуда не делась! Она лежит под новой, как нижний слой краски под верхним. Это и есть Когерум. Когерум - это тебе не бог и не измерение. Это резервная копия реальности, сделанная в момент её создания. И в этой копии нет случайностей. Нет вероятностей. Нет «может быть». Есть только «есть». Смекаешь? Каждая частица там знает своё место. Каждое событие имеет одну причину и одно следствие. Всё идеально согласовано, как партитура, в которой нет ни одной фальшивой ноты. И эта копия не пассивна. Понимаешь? У неё есть свойство, которое мы называем Тенденцией. Как вода течёт вниз, потому

что так работает гравитация, так и Когерум «течёт» в сторону порядка, потому что так работает его природа.

Он не хочет нам зла. Ему вообще плевать, есть мы или нет. Просто если где-то возникает участок идеального порядка - Якорь, который мы включили, - Когерум пытается подтянуть соседние участки до своего уровня. Как чистый лёд намерзает вокруг первой крупинки. В этом и проблема. Наш мир слишком грязный. Случайный. Живой. Мы ошибаемся, меняемся, болеем, любим не тех, врем себе. Всё это - шум для Когерума. Повреждённый код. И когда мы подходим слишком близко к его чистоте, он начинает нас «чинить» - стирать шрамы, воспоминания, противоречия. Пока от человека не остаётся идеальная, пустая, мёртвая статуя себя. Эхо. Эхо - это слепок человека, очищенный от всего, что делало его живым. Без ошибок. Без боли. Без сомнений. И без души. Вот такая это штука, Когерум. Не враг и не союзник. Среда. Опасная, как открытый космос. В ней можно существовать, если знать правила. Не подходить слишком близко. Не задерживаться надолго. И всегда, всегда шуметь! Потому что шум - наше единственное спасение. Смех, спор, ложь, случайная песня не в такт - всё, что непредсказуемо и неповторимо. Это как рябь на воде: пока она есть, глубина не видит твоего отражения. Тишина - смерть. Абсолютная тишина - Абсолютная Сходимость.

Мы теряли корабли, станции, целые планеты, когда они затихали.

— А что ты скажешь про тех фанатиков, которые чуть не упекли меня у Тау-Кита?

— Ты про Конкордию? Да, есть у нас такие. Те кто решил, что тишина лучше боли. Они добровольно идут в Когерум, чтобы перестать страдать. И их можно понять. Теория Живой Когерентности - это мы, безумцы на Маяке, которые верят, что жизнь - не ошибка кода. Просто Когерум ещё не научился её читать. И мы пытаемся это доказать. Музыкай. Стихами. Экспериментами, за которые нас отлучают. -Разве в Когеруме может существовать жизнь?

— Это длинная история. История войны и борьбы. Борьбы с устройством реальности. И ставка в ней - право меняться. Право ошибаться. Право быть несовершенными. Вот и вся суть. Пей. И не молчи. Никогда не молчи.

Глава 1. Пыль на чертежах

Ночь. Порт-Новум. Тобиас Кейн сидел в крошечной мастерской, которую снимал уже третий месяц, и смотрел на голографический чертёж, медленно вращающийся над столом. Чертёж был старый, снятый с бортового самописца станции «Гелиос-12» за три дня до эвакуации. Ему было двести лет, но линии оставались чёткими, потому что Тобиас восстановил их вручную, пиксель за пикселем, по обрывкам архивных записей. Он знал каждую линию наизусть. Он мог бы воспроизвести их с закрытыми глазами. И всё равно смотрел, потому что надеялся увидеть то, что пропустил в прошлый раз. И в позапрошлый. И во все предыдущие. Мастерская была маленькой. Три на четыре метра, арендованная у портового диспетчера за гроши. Стены заклеены старыми схемами. На верстаке валялись калибраторы, мультитулы, запасные сенсорные модули и коробка с предохранителями. В углу стоял кофр, уже собранный: инструменты, тубус с оригиналом чертежа, старая фотография. На фотографии отец и мать стояли на смотровой палубе «Гелиоса-12» и улыбались. Тобиасу было пять, и он не помнил этого дня, но хранил снимок как доказательство того, что когда-то всё было иначе. За стеной гудела силовая установка Порта-Новум. Низкий непрерывный звук, к которому привыкаешь за первую неделю и перестаёшь замечать. Воздух пах машин-

ным маслом и озоном. Вентиляция в этом секторе была старой, ещё довоенной постройки, но Тобиас не жаловался. Ему не нужен был комфорт. Ему нужен был ответ. Узел синхронизации. Вот что не давало ему спать третью ночь подряд. На чертеже он выглядел как стандартный модуль. Три контура, резонансная камера, предохранители. Но отец переделал его за два дня до катастрофы. В бортовом журнале сказано, что это был плановый ремонт, однако Тобиас проверил. Никакого планового ремонта не было. Отец сделал всё сам, без приказа и без отчёта. И частота резонанса была выставлена на 440 герц. Нота ля. Стандартный камертон. Зачем инженеру камертон в сердце Якоря?

Я помню его руки. Они всегда пахли машинным маслом и озоном, даже когда он приходил домой. Он мыл их по десять раз, но запах оставался. Мать ругалась, а он смеялся и говорил, что это запах работы. Запах дела. Я не понимал тогда. Теперь, кажется, начинаю.

Тобиас тронул проекцию пальцем, и чертёж послушно повернулся, показывая узел с другого ракурса. Вот здесь отец добавил дополнительный контур. Вот здесь изменил геометрию резонансной камеры. Вот здесь оставил пометку на полях, которую Тобиас не мог разобрать до сих пор. «Слушай. Не смотри. Слушай». Он думал об этом третью ночь. Смотрел на чертёж. Слушал гул силовой установки. Пытался понять, что отец имел в виду. А потом в дверь постучали, и она открылась раньше, чем он успел ответить.

Женщина вошла быстро и закрыла дверь за собой. Плот-но, до щелчка магнитного замка. Тобиас видел её впервые в жизни, но узнал сразу. Высокая, прямая, в длинном се-ром платье без швов и складок. Такое не шьют, такое выра-щивают из мономолекулярной ткани на заказ. У горла висе-ла серебряная брошь в виде идеального круга. Символ Кон-кордии Абсолюта, означающий завершённость и покой. Ли-цо спокойное, но не доброе. Такое лицо бывает у челове-ка, который принял решение и больше не сомневается. Ни в себе, ни в своей правоте. Ей было около пятидесяти пяти. Тонкие морщинки в уголках глаз - единственное, что выда-вало возраст. В остальном лицо оставалось гладким, почти неестественно гладким. Как у человека, который давно не хмурился и не плакал. Глаза светло-серые, прозрачные, как лёд на луже. Они смотрели на Тобиаса без враждебности, но и без тепла. Так смотрят на уравнение, которое нужно решить. «Мирелла Солем», подумал он. «Верховная Жрица Конкордии Абсолюта». Она прошла в центр мастерской, не разглядывая обстановку. Старые чертежи на стенах её не ин-тересовали. Голографический проектор над столом она едва удостоила взглядом. Кофр с инструментами на полу вообще не заметила. Остановилась и сложила руки перед собой. Ни-каких колец, никаких браслетов. Никаких украшений кроме броши.

— Ты летишь в Когерум, произнесла она. - Ты ищешь от-печаток отца. Я знаю, где он, и знаю, что он содержит. Тоби-

ас не ответил. Он стоял у стола и загораживал спиной чертёж «Гелиоса-12». Сердце колотилось где-то в горле, но он заставлял себя держать лицо.

— Твой отец разработал протокол защиты сознания. Узел синхронизации это не ремонт, а устройство, способное удержать личность внутри когерентного поля без потери субъектности «Откуда вы знаете?» «У нас есть источники в Ордене. Септимус Корв тоже знает. Он ищет отпечаток уже несколько лет. И он не остановится». Она выдержала паузу. Ровно такую, чтобы Тобиас успел представить себе Корва, роющегося в архивах его отца. Картинка вышла неприятная.

Отец никогда не рассказывал мне о Корве. Я узнал это имя только после его смерти, из писем, которые Ксилон показал мне на Маяке. Корв работал с отцом на «Гелиосе». Молодым инквизитором. Отец писал, что Корв способный, но слишком много думает о будущем.

— Я предлагаю тебе выбор, Тобиас Кейн, продолжила Мирелла. - Останься. Откажись от экспедиции. Уничтожь чертёж. Тогда никто не пострадает».

— А если я откажусь? - Мирелла улыбнулась. Улыбка была пустой, как движение губ без движения души.

— Тогда через час все информационные каналы Конкордии разошлют заявление. Тобиас Кейн и экипаж «Безмолвного Странника» объявляются врагами человечества. За ваши головы назначена награда. Три тысячи гридов за каждую. К утру каждый охотник в секторе будет знать ваши лица.

Каждый капитан, каждый наёмник, каждый бродяга.

Тобиас сжал кулаки. Три тысячи гридов. Это стоимость подержанного корабля малого класса. За шесть голов выходило восемнадцать тысяч. Для флотилии Кочевников это два года топлива и полное переоснащение. Для наёмника это возможность уйти на покой и купить себе небольшую станцию где-нибудь на окраине. Для любого в этом секторе этого было достаточно, чтобы убить не раздумывая.

— Вы не сделаете этого.

— Уже сделано. Заявление готово, а мой корабль на орбите. Мне остаётся только отдать приказ.

— Зачем вам это? Вы проповедуете покой. Откуда такая жестокость?

— Это милосердие. - Она смотрела на него не моргая. — Технология твоего отца это бомба. Если сознание можно сохранить в Когеруме, значит, Сходимость не абсолютна. Значит, покой, который мы даём людям - иллюзия. Миллионы примирённых начнут сомневаться. Их боль вернётся. Я не допущу этого. Ни за что не допущу. Ради них я готова быть жестокой.

— Вы боитесь правды.

— Правда и страдание часто идут рука об руку, Тобиас Кейн. Я выбрала сторону страдания, чтобы остановить его. Ты выбрал сторону правды. Посмотрим, кто из нас пожалеет первым.

Она повернулась к двери. Серая накидка коснулась пола.

Тобиас заметил, что она двигалась совершенно бесшумно. Даже шагов не было слышно.

— У тебя есть час, Тобиас Кейн. Через час награда будет объявлена. Если хочешь опередить охотников, стартуй сейчас. Беги. Прячься. Но помни: куда бы ты ни полетел, я буду всегда за тобой. Дверь открылась и закрылась. Серая накидка исчезла в тёмном полумраке коридора. Тобиас остался один. Три тысячи гридов за голову. За его голову. За голову Кассии, которая сейчас спала в навигационной капсуле и ещё не знала, во что ввязалась. За голову Йохана с его цветком. За голову Ариадны, которая ждала на мостике и тоже ничего не знала. Жизни всех членов экипажа держались на волоске. Он схватил кофр и побежал в док.

Док-17 встретил его гулом силовой установки. «Безмолвный Странник» висел в стыковочной люльке. Сто метров потрёпанного металла, заплатки всех оттенков серого, сварочные швы, напоминающие старые шрамы. Трап был опущен, и Тобиас взбежал по нему, не оглядываясь. Шаги глухо отдавались в металлическом чреве корабля. На мостике горел свет. Ариадна Сол сидела в капитанском кресле и просматривала предполётные чек-листы. Её лётный комбинезон уже был старым и весьма выгоревшим. Она носила его много лет, и он помнил все её экспедиции. На левом рукаве темнела нашивка Космического Флота Доминионов. Две молнии, обвиняющие жезл. Увидев лицо Тобиаса, она отложила планшет.

— Что случилось?

— Мирелла Солем. Она была у меня.

Он пересказал разговор быстро, проглатывая слова. Когда он закончил, Ариадна на удивление вела себя весьма спокойно. Показалось, что в ее лице прокралась нотка детской радости, когда понимаешь, что не ты будешь водой. Она потёрла шрам над правой бровью. Старая привычка. Шрам тянулся от брови к виску и был следом давнего ранения, о котором она никогда не рассказывала.

— Три тысячи за каждую, произнесла она. - В прошлый раз за меня давали всего одну.

— Ты не удивлена?

— Я ждала чего-то подобного. Конкордия активизировалась в последние месяцы. Она выдержала небольшую паузу, набрала воздуха в лёгкие и продолжила:

— Корв прислал сообщение час назад. Спрашивал, не нужна ли помощь. Тобиас напрягся.

— Ты ответила?

— Нет. Но он знает про экспедицию с самого начала, и если предлагает помощь, значит, ему что-то нужно.

— Ему нужен отпечаток. Мирелла сказала, что он ищет его несколько лет.

— Тогда понятно. Он играет в свою игру. Помогает нам, а когда мы доберёмся до цели, потребует данные. Или просто заберёт.

— Что будем делать?

— Стартовать. Сейчас. Она наклонилась к интеркому.

Кнопка была старая, механическая. На «Немых» не доверяли голосовому управлению, и Тобиас понимал почему. Механика не подводит. Кнопка срабатывает всегда.

— Всему экипажу немедленно на борт. Повторяю: немедленно на борт. Старт через пятнадцать минут. Опоздавшие остаются. Тобиас сел в инженерное кресло. Шершавый пластик подлокотника весь был изуродован мелкими царапинами. Кто-то из прежних инженеров царапал его ногтями во время долгих прыжков. Кассия уже была в капсуле. Она ночевала на борту. Внутри нее находится сразу четыре личности - сама Кассия, маленькая девочка Лира, злая и все помнящая Старуха и Векс - одиночка с неприятным характером. Навигационная капсула представляла собой прозрачный цилиндр, заполненный гелем, который по консистенции напоминал густой сироп. Гель гасит вибрации и проводит нервные импульсы от тела лодмана к системам корабля. Кассия висела внутри, опутанная проводами, с закрытыми глазами, почти невесомая. Над капсулой горели четыре индикатора: синий, зелёный, красный, белый. Все активны. Четыре личности. Четыре пилота в одном теле.

Заводские капсулы не рассчитаны на нескольких пилотов. Они работают от нейронных импульсов мозга лодмана. Спустя пол года разработок, Орден смог модернизировать классическую навигационную капсулу для Кассии. Правда, их вариант не мог справиться с четырьмя частотами всей "семейки". Из-за чего пришлось вносить коррективы в заводской

вариант. Нельзя сказать, что это гарантийный вариант, зато работает.

Заметка неизвестного инженера

Орден потратил полгода. Я потратил две недели. Они сделали всё по правилам. Я сделал всё как надо. Что я поменял: Аварийный протокол. Они поставили Векса первым, потому что он якобы стрессоустойчивый. А он ведь при первой же опасности пойдёт в лобовую атаку. Я поставил первой Старуху. Она стара. Помнит всё и не рыпается. Потом Векс. Лиру не трогаем. Ограничение по времени. Они дали четыре часа. Это глупость. Кассия устает через четыре часа, это правда. А вот старуха не устает вообще! Я настроил скользящий график. Кассия держит четыре часа, потом старуха подхватывает на час, потом снова Кассия. Лиру подключаем только если нужно. Векса только в кризис.

Если вы из Ордена: извините за самоуправство. Но ваша капсула не работала. Моя работает.

Нигил сидел в резервном кресле, закинув ногу на подлокотник, и чистил свой прибор. Гибрид пистолета и астролябии поблёскивал воронёным металлом в тусклом свете мостика. Он не поднимал головы, но Тобиас заметил, что Мёртвый Лоцман улыбается уголком рта. Как будто всё происходящее его слегка забавляло.

Йохан Вайс закреплял контейнер с Цветком. Контейнер был из титана, с прозрачной передней стенкой. Внутри в пи-

тательном растворе голубым светом поблескивало растение. Цветок был невелик, сантиметров двадцать в высоту. Стебель тонкий, лепестки полупрозрачные. Он казался хрупким, почти нереальным. Он пристегнул контейнер ремнями к амортизационной стойке и проверил герметичность. Цветок пульсировал в такт его пульсу. Или ему это только казалось.

— Внимание, сказала Ариадна. Вводная для всех. Только что Верховная Жрица Конкордии объявила наш экипаж врагами человечества. За каждую голову назначена награда в три тысячи гридов. Через час об этом будет знать каждый охотник в секторе.

На мостике повисла тишина. Гул силовой установки вдруг стал очень громким.

— Три тысячи? переспросил Йохан. - За мою голову? Я всю жизнь считал себя скромным биологом, а тут целое состояние.

— Это не шутка. У нас два варианта: стартовать сейчас и успеть уйти в Когерум до того, как награда разлетится по сети, или остаться и ждать, пока за нами придут. Первый вариант мне нравится больше. Вопросы?

Вопросов не было.

— Курс?

— Точка входа сектор 47-12, ответила Кассия. Голос у неё был многослойный. Четыре личности говорили одновременно, но основная держала контроль. - Дальше через Пет-

лю Причинности, Инверсионный Колодец и границу Шрама Стазиса. Но у нас проблема.

— Какая?

— Я вижу три корабля на орбите Порта. Один конкордианский перехватчик, боевой, с включёнными орудийными портами. Второй без опознавательных знаков, тёмно-синий и быстрый. Третий. Она замолчала.

— Третий?

— Старый фрегат модели Коготь. Списанный военный, обшивка латаная, Якорь нестабильный, частота скачет. И опознавательный маяк не государственный. Это код флотилии».

— Кочевники, сказал Нигил. Впервые за весь разговор он поднял голову от прибора. Его светло-серые глаза смотрели на Ариадну без выражения.

— Точно. «Стервятник». Я знаю этот корабль.

— Откуда?

— Работал на них. Давно, ещё до того как стал Мёртвым. Ариадна нахмурилась. Шрам над бровью побелел, и Тобиас знал, что это плохой признак.

— Они опасны? - уточнила Ариадна

— Опаснее конкордианцев. Конкордия хочет взять нас живыми, потому что Мирелле нужны показательные казни, чтобы другим было неповадно. Кочевникам всё равно, живые мы или мёртвые. Лишь бы головы предъявить для

награды. Или просто разобрать «Странник» на запчасти. Импульсные двигатели этой модели стоят на чёрном рынке больше, чем вся награда за наши головы.

— Восемнадцать тысяч гридов это больше, чем вся награда? - уточнил Йохан.

— Шесть голов по три тысячи, пояснил Нигил. - Плюс корабль. Для флотилии это два года топлива и полное переоснащение. Или новый Якорь. Или просто повод размяться». Кассия переключила главный экран. Три точки висели в пространстве: белая - конкордианский перехватчик, тёмно-синняя - неизвестный корабль без маяка, и ржаво-красная - «Стервятник».

— Все трое ждут, сказала она. - Ждут, пока мы дёрнемся первыми, ответила Ариадна. - Конкордия ждёт приказа Миреллы. Корв или кто там под тёмным маяком ждёт, когда мы уйдём подальше от Порта, чтобы никто не видел. А Кочевники ждут, пока мы ослабнем. Они всегда так делают. Идут за добычей до конца, но в драку не лезут, пока можно не лезть.

— Что будем делать? - Ариадна положила руку на рычаг Якоря. Рычаг был старый, бронзовый, с набалдашником, отполированным ладонями до блеска. Такие ставили ещё на первые «Немые», до модернизации. Тобиас смотрел на этот рычаг и думал о том, сколько рук лежало на нём до Ариадны. Сколько капитанов принимали решения, от которых зависели жизни экипажей.

— Стартовать. И молиться, чтобы они перегрызлись друг

с другом раньше, чем доберутся до нас.

— Ариадна, - позвал Тобиас.

— Ещё кое-что. Частота резонанса Якоря 440 герц. Мой отец использовал эту частоту на «Гелиосе». И Эран после «Тишины-12» издавал звук именно этой частоты. Это не совпадение. Я не знаю, что это значит, но...

— Значит, будем слушать, перебила она. - Разберёмся по пути. - И потянула рычаг на себя. Якорь активировался не сразу. Сначала по кораблю прошла низкая вибрация. Кристалл в сердцевине реактора начал резонировать. Потом вибрация исчезла, сменившись странным, неестественным спокойствием. Глушители Новизны взвыли, компенсируя это спокойствие лавиной звуков: обрывки музыки, чьи-то голоса, бессмысленные стихи на мёртвом языке, случайные числа, преобразованные в шум. Какофония заполнила мостик.

А потом наступил момент перехода. Звёзды на главном экране начали плыть. Они вытягивались в линии, линии складывались в узоры, узоры в бесконечную геометрию. Это не было красиво. Это было неправильно. Человеческий глаз не приспособлен видеть абсолютный порядок. Мозг отказывался обрабатывать картинку, и Тобиас на секунду почувствовал головокружение, тошноту, желание зажмуриться. Но он смотрел.

Отец однажды сказал мне: «Когерум это не место. Это зеркало. Оно показывает тебе то, что ты уже знаешь, но боишься признать». Я не понял тогда. Мне было двена-

дцать. Теперь мне тридцать семь, и я смотрю в это зеркало впервые.

Когерум открылся перед ними.

Эхо-Геометрии проплывали за экраном. Исполинские фрактальные структуры, похожие на кристаллы, выращенные в невесомости. Кубы, вложенные в октаэдры. Спирали, расходящиеся в бесконечность. Решётки, в узлах которых пульсировал свет. «Переход совершён», доложила Кассия.

— Расчётное время до Петли Причинности шесть часов. Преследователи. Она сделала паузу.

— Все трое вошли следом. Держат дистанцию. Конкордианский перехватчик быстрее нас, догонит через четыре-пять часов, если не сбросим. Синий корабль держится в стороне, не приближается. «Стервятник» идёт за конкордианцем. Как будто хочет, чтобы тот сделал всю работу первым.

— И добьёт победителя, закончил Нигил. Классика. - Тобиас откинулся в кресле. Подключил наушники к диагностическому выходу Якоря. В наушниках шумели Глушители, трещали помехи, гудела силовая установка. И где-то под всем этим, на грани слышимости, звучал ровный, чистый тон. 440 герц. Нота ля.

«Я слышу», сказал он.

И корабль пошёл в Тишину, унося с собой шесть человек, четыре личности, один Цветок и цену в восемнадцать тысяч гридов за головы. А следом, не отставая, шли три хищника:

белый, тёмно-синий и ржаво-красный. И каждый хотел добраться до добычи первым.

Конец первой главы.

ОРДЕН КОГНИТОРОВ

Отдел кадров

Личное дело 847-14-АС

Дата последнего обновления: 14 января 2906 года (847 ПР).

Составитель: кадровый офицер второго ранга Маркус Торн.

1. Основные сведения

Фамилия, имя: Сол, Ариадна.

Год рождения: 2858 СЗЛ (799 ПР). Возраст на момент составления: 48 лет.

Место рождения: орбитальная верфь «Кастор-2», система Кастора, сектор Доминионов.

Гражданство: Коалиция Космических Доминионов (ККД). Статус гражданства: действующее.

Должность: капитан разведывательного крейсера типа «Немой» «Безмолвный Странник».

2. Семейное положение

Отец: Эрик Сол, капитан первого ранга Космического Флота Доминионов. Погиб в 2887 СЗЛ (828 ПР) при исполнении служебных обязанностей. Подробности смотреть в

ИНФОРМАЦИЯ УДАЛЕНА

Мать: Катарина Сол, инженер-кораблестроитель верфи

«Кастор-2». В отставке с 2890 СЗЛ (831 ПР). Проживает на станции «Кастор-2»

Дед: Доминик Сол, командовал крейсером «Фаланга» во
Втором П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.